

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

МАГАДАНСКАЯ ПРАВДА
г. Магадан
50 А. 1981

ОКОНЧЕН очередной театральный сезон. Закрывается одна страница творческой биографии, которая пишется трудно, сложно и интересно. Потому что плодом театральной деятельности должно стать искусство, в определенной мере отражающее настоящие моменты духовной жизни, нравственно-эстетического поиска людей, живущих сегодня в нашем крае. Этого мы ждем от каждого спектакля, от общения с театром вообще. Всегда ли сходится наши надежды с тем, что мы обретаем?

В завершающемся сезоне зрители увидели пять спектаклей — оперу-буфф Жака Оффенбаха «Периколз», «Господин Пунтила и его слуга Матти» Бертольда Брехта, мюзикл Таларчика «Развод по-польски», драматическую поэму Ильи Сельвинского «Белый мезведь», оперетту Никре Кальмана «Мистер Икс», оперетту-сказку Г. Глазкова «Три Пизанна».

Невольно напрашивается сравнение с минувшим годом. Тогда было семь премьер и один детский спектакль.

Тогда же мы с вами стали свидетелями и участниками рождения такого уникального явления в Магаданском театре, как «малая сцена». Она стала во многом экспериментальной площадкой, лабораторией творческого коллектива. Отрадно, что выпестованный на «малой сцене» «Вечер водевиля» прочно вошел в основной репертуар, стал одним из лучших спектаклей сезона. Это было отмечено и зрителями, и участниками зонального семинара театральных критиков.

Другому спектаклю — «Чинизано» — повезло меньше. Его не показывали в сезоне. А жаль. Ведь была найдена волнующая форма его существования, необходимая и горячо воспринимавшая зрителем, вызвавшая жаркие споры, полемичку.

По неизвестным причинам он перестал существовать, как и «малая сцена» (по крайней мере, нам не показано ни одной работы).

В начале 42-го театрального сезона немало говорилось о сложности творчества, которое мешали творчеству. Главное — недостаточная материально-техническая база для обеспечения творческой работы театра. Кроме того, неуклопкованность кадровый трупп, кордебалета, хора, оркестра; малые мощности производственных цехов. Все это не могло не отразиться на итогах, результатах всего сезона.

В какой-то мере сказались, очевидно, и усталость, вызванная напряжением предыдущих месяцев.

Возможно и такое объяснение: социальная заостренность репертуара прошлого сезона (1979—1980 гг.) была ярче выражена, в ней угадывалось направление мысли художника — Юлия Гриншпун: «Репетитор», «Патетическая соната», «Чинизано», «Вечер водевиля» — эти спектакли стали изысканным стержнем репертуара.

Глядя на афишу премьер этого сезона, ловишь себя на мысли о случайности ее формирования. То же «Чинизано» выглядело бы здесь совсем инородным элементом. Определенная часть зрителей, чувствуя это, отвергала, не принимала спектакль. И театр ничего не сделал, чтобы продолжить разговор, повести его в других работах.

Столичные критики хвалят Магаданский театр за оригинальность, своеобразие репертуара. И это замечательно, что режиссер, верный своим принципам, ищет пьесы малоизвестные. Но настораживает реакция зрителей: уже третий четвертый спектакль, еще будущая премьера, не собирает полного зала.

Можно порицать «провинциального» зрителя за сознательные вкусы и пристрастия, можно все отнести на счет его эстетической неподготовленности и прочих казусов социально-психологического восприятия. Но не признавать того, что у театра нет контакта со зрителем.

нет своего зрителя-союзника — нельзя. Театр может и должен идти вперед. Но важно иметь желание все же повести за собой, достичь понимания и поддержки. А иначе зачем все?

Однако, говоря о разнообразии театральной афиши, большом расхождении, отделившем один спектакль от другого, нельзя не выделить общее свойство всех работ главного режиссера Ю. Гриншпуна, которое их объединяет, в какой-то мере объединяет эстетику режиссера.

«Периколз», «Белого мезведа», «Вечер водевиля» объединяют художественная образность, завершенность и совершенство формы, музыкальность. По поводу его спектаклей очень часто приходится слышать от зрителей такую оценку: «очень красиво!».

И действительно, атмосфера оперы-буфф «Периколз» насыщена пронизана театральной магией, она пестра и причудлива. В ней органично переплетены маски и живая актерская игра, пародия и мелодрама. Поражает фантазия режиссера, замысловато соединяющая героя и безжизненную марионетку, куклу и активного участника действия, двойников актеров, пантомимы.

КОГДА ОПУЩЕН ЗАНАВЕС

мически проигрывающих суть сюжета. Это рождает ощущение музыкальной импровизации в стиле импрессионистов. Думаю, не ошибусь, если скажу, что поэтичность, метафоричность мышления — самые сильные стороны этого режиссера.

Но вот теперь, к концу сезона, с высоты того, что мы знаем об этом мастере, то есть, с высоты того, что он нам сам рассказывал, невольно напрашивается вывод, что в этой силе и слабость Ю. Гриншпуна.

Нынешний театральный сезон был ознаменован подготовкой к XXVI съезду КПСС. Коллектив посвятил этому событию спектакль «Белый мезведь» по драматической поэме Ильи Сельвинского «Умка — Белый мезведь». Спектакль этот вызвал горячие споры, оценки его восприятия полярно разошлись.

С одной стороны — восторженная похвала и одобрение. С другой — резкая неприязнь, разочарование и упреки. Один, деля оформление, музыку, костюмы, переживая спектакль, растворяясь в его необычайной пизане, были гаубо захвачены его эстетической сущностью. Другие рьяно отстаивали свою точку зрения, которую формулировали лаконично: «не было так!».

Но ведь театр — не учебник истории, не пособие по этнографии. Он не ставит своей целью скрупулезное восстановление деталей быта. Так в чем причина неудовлетворения спектаклем?

Есть произведения искусства, не рассчитанные на то, чтобы касаться анализа социальных проблем. Ибо жизнь есть прежде всего жизнь. Взять, к примеру, знаменитый французский фильм «Шербурские зонтики». Ну, какие там социальные проблемы? Они вне фокуса камеры. Все зрители направлены на то, чтобы человек ощутил, что у него пальцы органов чувств: осязание, зрение и т. д. Чисто эмоциональный заряд жизнезданности, гармонии. Таким является, например, и спектакль «Периколз».

Может ли послужить материалом для такого воздействия на чувства зрителей поэма И. Сельвинского? Проблематично. Ибо автор прикоснулся к образу, в котором заключен не просто нерв биологического существа, но нерв нашего личного и социально-психологического существования.

Помог ли Сельвинский ска-

зать Гриншпуну свое слово о нашем крае? В спектакле много музыкальности — структурной музыкальности. Она воплощена в живописной решении, и в композиционном. Музыка как мироощущение здесь доминирует. Поэзия и музыка — мир, организованный с позиций чисто эстетических, вернее, эстетик: форма становится собственно содержанием произведения, а идея остается где-то за рамками всей этой «музыки». Думается, необходимо чтобы эстетическая сторона спектакля была уравновешена нравственным и философским пониманием коварной действительности.

Под руководством главного режиссера в сезоне также шла работа над польским мюзиклом Таларчика «Развод по-польски» и водевилем «Любовь к ближнему». По поводу последнего в печати были рецензии. Вспоминая теперь этот спектакль, с приятным чувством удовлетворения осознаешь, что захватил тогда, заставляла думать, мучительно размышлять соотносить с сегодняшним днем именно яркая социальная направленность, четко выраженная идейно-нравственная позиция автора.

Но режиссерски да и актерски спектакль выглядел незавершенным, сырым. Что это? Последствия спешки, а может быть, сопротивление материала, которым пытались овладеть несколько непривычными для себя средствами?

В этом сезоне театр продолжал свою традицию приглашать на разовые постановки режиссеров из других театров. Мы познакомились со стилем и творческой палитрой Феликса Бермана, поставившего спектакль по пьесе Бертольда Брехта «Господин Пунтила и его слуга Матти», и Владимиром Бегим, работавшего над опереттой Никре Кальмана «Мистер Икс».

Такое общение и творческое сотрудничество, безусловно, обогащает жизнь театра. Ведь каждый мастер привнес свою фантазию, свой вкус, свое понимание авторского замысла.

Воспоминания о «Господине Пунтиле...» в контексте сегодняшнего разговора чрезвычайно важно и во многом поучительно. Он может служить примером органичного соединения идейного и художественного содержания. Это настолько было уравновешено в спектакле, что порой признавая форму, то есть сценографию, очень существенно дополняя содержание. С другой стороны, сюжет вызывал к действию специфическую форму, облекался в нее. И все это, взаимопропая и дополняя друг друга, рождало единый, цельный образ спектакля.

«Мистер Икс» — своеобразное явление не только для магаданской сцены, но и для оперетты вообще. Владимир Бегма предпринял попытку лишить это известное произведение примет бездумного веселья, заострил социальное звучание конфликта. За сравнительно короткий срок подготовлен спектакль, в котором полно и чисто ведутся все «партии» — солистов, хора, оркестра, кордебалета. Спектакль, который подтверждает, что зрителям нужна и забытая, порой неоправданно отгораживаемая временем оперетта.

Итак, закончен театральный сезон. Еще одна страница поиска, обретения и потерь. Поиска своего слова в искусстве, обретения дара общения с большой аудиторией. Потерь... — но ведь без этого нет движения вперед.

Третьего июля во Дворце культуры им. Урицкого в Ленинграде вынужены гастроли Магаданского театра. Ленинградцы увидят спектакли «Патетическая соната», «Белый мезведь», «Господин Пунтила и его слуга Матти», «Периколз», «Вечер водевиля», «Мистер Икс», «Бабий бунт». Хочется, чтобы, встретившись с нашим театром, ленинградцы обрели разностороннюю встречу с искусством.

В. КОЧКИНА.